

Святая Екатерина Сиенская

Categories : [Жития святых](#)

Date : 07/05/2022

Была осень Средневековья. Именно в тот 1300 год оно в последний раз принесло обильный урожай: впервые в истории Папа Бонифаций VIII провозгласил Юбилей [1](#), и в Рим хлынула волна более чем двухсот тысяч паломников со всей Европы.

И вот не прошло и трех лет, как весь христианский мир в смятении слушал толки об оскорблении, нанесенном римскому первосвященнику в Ананьи: солдаты французского короля осмеяли его и надавали ему пощечин.

Тот же Данте, который обвинял Папу (несправедливо) в том, что он "внес раздор" в Церковь, продав ее за деньги (ср. Божественная Комедия, Ад, XIX, 54), с благоговейной любовью созерцал в нем образ Христа:

"Но я страшнее вижу злодеянье:
Христос в Своем наместнике пленен.
И торжествуют лилии в Аланье.
Я вижу - вновь людьми поруган
Он и желчь и уксус пьет, как древле было,
И среди живых разбойников казнен".

(Чист. XX, 85-90, перевод М. А. Лозинского).

Через несколько недель Бонифаций VIII умер от разрыва сердца и папское государство осталось под грозной опекой короля Франции.

Именно в бурных событиях начала века - истоки той трагической ситуации, которая к тому времени, как Екатерина Бенинказа появилась на свет в 1347 году, длилась уже сорок лет: "великого пленения" или изгнания Папы из Рима.

Этому изгнанию, которое многим христианам слишком явно напоминало "вавилонское пленение", суждено было длиться еще тридцать лет - всего семьдесят. Сегодня некоторые историки утверждают, что это семидесятилетнее изгнание спасло папское государство от анархии и раздробленности, угрожавших Италии, и что в Авиньоне папская курия научилась современным способам управления и администрирования.

Как бы то ни было, тогда "авиньонское пленение" казалось скорее несчастьем и

предательством. Данте говорил, что Церковь "вступила в брак с французским королевством", а Петрарка - чья совесть, однако, была не так чиста, - утверждал, что Авиньон - "ад для живых и клоака земли".

Это были несправедливые суждения, но они хорошо передают настроения многих, в особенности потому, что некоторых Пап периода авиньонского пленения (хотя среди них были и святые люди) Данте по праву называл "беззаконными пастырями".

Как бы то ни было, к середине века весь христианский мир, жил в состоянии страха. Италия была охвачена гражданскими войнами одних городов против других, а в самих городах вели братоубийственную борьбу разные партии. В Германии царил хаос; Англия и Франция начали трагическую, бесконечную Столетнюю войну; Восточная империя распадалась, и турки угрожали европейским границам. Повсюду вспыхивали восстания крестьян, чувствовавших себя угнетенными и отверженными. Частым явлением был голод и стихийные бедствия. И, в довершение всех несчастий, именно в 1347 году разразилась та страшная эпидемия "черной чумы", о которой писал Боккаччо и от которой за несколько месяцев вымерло более трети населения Европы. Подсчитано, что мир был отброшен назад во времени на два поколения.

В Ананьи вымерла половина жителей. Согласно некоторым свидетельствам, население Сиены сократилось с восьмидесяти до пятнадцати тысяч человек.

Именно в тот страшный 1347 год в Сиене вместе с другой девочкой-близнецом родилась Екатерина, двадцать четвертая дочь красильщика Якопо Бенинказы и монны Лапы, дочери ремесленника, изготовлявшего лемехи для плугов.

Девочка-близнец умерла почти сразу же, но уже на следующий год родился двадцать пятый ребенок. Кроме того, семья взяла в дом десятилетнего двоюродного брата-сироту: впоследствии он стал монахом-доминиканцем и был первым исповедником Екатерины.

Вокруг маленькой девочки очень рано, еще при ее жизни, расцвела Легенда, заполнившая чудесами ее детство и юность. О некоторых событиях говорит сама Екатерина, о некоторых - ее исповедник и бесчисленные поклонники ее дарований, постоянно окружавшие ее и очарованные ее уже зрелой святостью.

Может быть, кое-какие события приукрашены, но это объясняется только стремлением передать невыразимое, сверхъестественное очарование, от нее исходившее. Как бы то ни было, все достоверно знают, что детство Екатерины было неизгладимо отмечено видением: ей явился улыбающийся Христос, из сердца Которого выходил луч света, упавший на нее и ее ранивший.

И девочка росла непохожей на своих многочисленных братьев и сестер (даже имена большинства из них нам не известны!): росла "посвященной", дав по своей воле уже в семь лет обет целомудрия (то есть исключительной любви ко Христу), - обещание, ставшее для нее непреложным.

Ей еще не было десяти лет, но она уже искала молчания, молитвенного уединения, аскезы. Если этот возраст нам кажется слишком малым, вспомним, что весь ее земной путь, так богатый событиями и встречами, продолжался всего тридцать три года и что за столь короткий срок она сгорела, служа Христу и Церкви.

В 15 лет, чтобы лишить всякой тщетной надежды мать, хотевшую обручить ее во что бы то ни стало, Екатерина совершила решающий поступок: она вышла из своей комнаты, обрезав свои длинные волосы, как то сделала св. Клара Ассизская: отныне она, согласно обычаям того времени, была "девушкой, принявшей постриг", свободной от мирской суеты, "посвященной".

Чтобы наказать Екатерину и отвратить от намерения, которое ее матери казалось абсурдным (Екатерина была единственной дочерью, которую она выкормила), та рассчитала прислугу и взвалила на нее большую часть домашних работ: она думала, что под этим непосильным бременем у девочки не останется времени для того, чтобы мечтать о монашестве, аскезе и молитве.

Рассказывают, что однажды, то ли из-за усталости, то ли глубоко задумавшись, девочка слишком низко склонилась над огнем очага, и пламя долго лизало ее лицо, не обжигая его.

Быть может, это только легенда, но очаг - единственная часть дома Екатерины, оставшаяся нетронутой. На протяжении веков никто не осмелился прикоснуться к нему.

У Екатерины отняли даже ее маленькую комнатку, чтобы помешать ее молитвенному уединению, и с тех пор она навсегда научилась находить убежище в себе самой. В одном из ее жизнеописаний говорится: "Она устроила в душе своей внутреннюю келью и научилась никогда не выходить оттуда".

С матерью Екатерина была нежна и послушна, но непреклонна.

Позже, когда ей приходилось постоянно путешествовать, исполняя свою миссию, и мать сетовала на ее долгие отлучки, Екатерина, к тому времени ставшая духовной наставницей своей собственной матери, не без укоризны писала ей:

"Все это происходит с вами потому, что вы больше любите ту часть, которую я взяла от вас, чем то, что я взяла от Бога, то есть плоть вашу, которой вы меня облекли" (П. 240).

В сочинениях о воспитании редко так хорошо и точно с христианской точки зрения описывался вред, который родители могут нанести своим детям, любя в них более плоть, которую они им дали, чем душу, вложенную в них Богом как неповторимое знамение и предназначение.

Основная мысль всего письма, о котором было сказано, что оно "исполнено изящества и величия от начала и до конца" - это слова Екатерины: "Страстно я желала видеть вас истинной матерью не только тела, но и души моей".

После месяцев страданий и ожидания, когда силы Екатерины подошли к концу, она открыла родителям, что еще девочкой дала обет и объяснила им, что ее решение непреклонно:

"Теперь, когда милостью Божьей я достигла взрослого возраста и большего разумения, знайте, что некоторые решения мои столь непреклонны, что легче разжалобить камень, чем вырвать их из моего сердца... Я должна повиноваться более Богу, нежели человекам" (Легенда I, гл. 5, стр. 91).

В конце концов на ее защиту встал отец. Обращаясь к жене и к другим детям, добрый Якопо решил: "Пусть никто больше не досаждаёт моей дорогой девочке... Пусть она служит своему Жениху так, как хочет... Никогда у нас не будет такого родства, как это, и мы не должны жаловаться, если вместо простого смертного примем Бога и Человека бессмертного".

Наконец в 16 лет Екатерина примкнула к женской ветви доминиканских терциариев в Сиене и стала носить белую одежду и черную накидку Ордена св. Доминика (поэтому сестер этой ветви называли "сестрами в накидках"), но не избрала затворничество и монастырь, потому что чувствовала, что ей суждено исполнить общественную миссию.

Она стала делить свое время и силы между домашними занятиями, долгими молитвами и работой в больницах (тогда в Сиене их было 16!) и лепрозории.

Поскольку она была очень молода, не было недостатка в непонимании, наговорах и даже в самой грязной клевете, однако она обезоруживала всех любовью. То были годы, проведенные в тиши, в течение которых она уделяла много внимания глубокой молитве и постам, покаянию, которое сегодня показалось бы нам чуть ли не чрезмерным.

Кроме того, отныне вокруг нее создалась атмосфера доверительной близости с чудесным и сверхъестественным, ее сопровождавшая.

Самым явным признаком ее духовной зрелости было то, что вокруг нее, неученой девушки, собралась компания ее последователей и поклонников. Ее называли в чисто духовном смысле слова "прекрасной компанией", и она состояла из людей самого разного возраста и общественного положения: магистратов и дипломатов, художников и поэтов, знатных людей и торговцев, рыцарей и ремесленников, благородных дам и женщин из народа. Были там и монахи самых разных орденов: доминиканцы, августинцы, валламбросианцы, гульельмиты и другие.

Все они рассуждали о богословии и мистике, читали "Божественную Комедию" и изучали творения св. Фомы Аквинского, но прежде всего учились всем сердцем любить Христа Искупителя и Церковь - мистическое Тело Его. Возникло настоящее движение, вдохновленное Екатериной, которое постоянно росло (при жизни святой оно охватило около ста человек): все его члены называли Екатерину "мамой", а она называла их "дражайшими детьми". Она не только принимала участие в их судьбах и давала каждому духовные советы, но и чувствовала себя ответственной за их жизнь, веру, призвание.

"С тех пор, как я с ней познакомился, - писал один из них, - для меня важно в жизни только одно - быть угодным Богу".

О том, какие глубокие отношения связывали Екатерину с ее подопечными, мы можем судить сегодня по письмам святой, адресованным им: во всех она обращается к ним на "ты", и все они проникнуты материнской привязанностью и заботой.

Для молодой сиенской девушки ученики - это дар, ниспосланный ей Богом: "Те, кого Ты дал мне, чтобы я особо возлюбила их".

Она будет заботиться о них даже на смертном одре, призвав их к себе и дав многим последнее послушание, подробно объяснив, каким путем каждый из них должен

пойти, чтобы исполнить свое призвание.

Умирая, она, подобно Христу, заботилась о том, чтобы они не остались "как овцы, не имеющие пастыря" (П. 373).

Одной из ее последних молитв была молитва об учениках: "Боже предвечный, добрый Учитель, нежно мною любимый..., еще препоручаю Тебе возлюбленнейших детей моих; молю Тебя... не оставь их сиротами, но посети их милостью Твоей и сделай так, чтобы они жили, умерев (то есть в совершенном послушании), в свете истинном и совершеннейшем, свяжи их вместе нежным Евангелием любви, чтобы они умерли, задохнувшись в объятиях этой нежной Невесты".

"Умереть, задохнувшись" от любви к Церкви - это мечта Екатерины-наставницы и суть всей ее воспитательной работы.

Как происходили в те времена решающие встречи между этой женщиной, одаренной подлинной харизмой материнства, и ее "детьми", можно понять хотя бы по одному из самых знаменитых и удивительных эпизодов.

Брат Габриэле да Вольтерра был не более не менее как провинциалом ордена францисканцев и верховным инквизитором Сиены. Он считался одним из самых знаменитых богословов и проповедников того времени в Италии. Вместе с другим известным богословом, августинианцем Джованни Тантуччи, он решил проверить слухи о мудрости Екатерины и стал спрашивать ее о сложных проблемах богословия и Священного Писания.

Сначала молодая женщина спокойно отвечала, потом, в свою очередь, обратилась к вопрошающим с нежностью, разящей, как меч, напомнив преподобным отцам о том, что наука может ввергнуть в гордыню тех, кто ею обладает, тогда как единственное, что стоит знать, - это наука Креста Христова.

Брат Габриэле был человеком образованным и утонченным - говорили, что он "живет роскошно, как кардинал", и что он приказал разрушить стены трех келий, чтобы построить себе из них одну; его кровать была покрыта периной и отгорожена шелковым пологом, на полках размещалась маленькая, но драгоценная библиотека стоимостью в сотни дукатов, а там и сям было со вкусом расположено множество ценных предметов. Екатерина продолжала говорить, объясняя, насколько бесполезна и опасна жизнь того, кто "заботится о внешней оболочке, а не о сути".

И вот монах-францисканец извлекает из кармана ключ от своего жилища и спрашивает у спутников сиенской монахини: "Не сходит ли кто-нибудь в мою келью, чтобы продать все и раздать вырученные деньги бедным?".

Его ловят на слове и оставляют в его келье только breviарий. Впоследствии он отказался также от всех занимаемых им постов и стал монахом-прислужником в монастыре Санта Кроче во Флоренции.

Это и есть чудеса, более достоверные и явные, чем любое другое необычайное происшествие, о котором можно было бы рассказать.

В то время Екатерине было уже около двадцати лет. Настало время, когда ей суждено было начать свое служение Церкви на общественном поприще. Она чувствовала, что в

ее жизни должен произойти решающий перелом, и продолжала истово молиться своему Господу Иисусу, повторяя ту прекрасную, нежнейшую формулу, которая стала для нее привычной: "Сочетайся со мной браком в вере!".

Был карнавальный вечер 1367 года. Первый биограф Екатерины пишет: "В те дни, когда люди имели обыкновение справлять жалкий праздник живота", а шум наполнял город и даже дом Екатерины, молодая девушка в своей комнатке "в тысячный раз", глубоко сосредоточившись, повторяла свою молитву о браке в вере.

И вот перед ней явился Господь, сказавший ей: "Ныне, когда остальные развлекаются..., Я решил отпраздновать с тобой праздник твоей души".

Внезапно, как будто пал покров, перед Екатериной предстало небесное воинство со святыми, которых она больше всего любила: Дева и Мать Божья Мария взяла руку девушки и соединила ее с рукой своего Божественного Сына. Иисус надел ей на палец сияющее кольцо (которое Екатерина и только она одна впоследствии видела на протяжении всей своей жизни) и сказал ей: "Се, Я сочетаюсь с тобой браком в вере, Я - Творец и Спаситель твой. Ты сохранишь эту веру незапятнанной до тех пор, пока не взойдешь на небо праздновать со Мной вечный брак".

Обещание, данное в "Песни Песней", и обещание из евангельских притч о свадебном пире стали для Екатерины Бенинказа мистической реальностью.

Вплоть до последних лет (быть может, до сегодняшнего дня) в Сиене сохранялся обычай, согласно которому в последний день карнавала ни одной процессии и ни одной маске не разрешалось проходить по улице Фонтебранда, где была отпразднована эта мистическая свадьба. На фронтоне дома Екатерины до сих пор сохранилась надпись: "Это дом Екатерины, Невесты Христовой".

С ней произошли и другие события в библейском духе, дабы смысл ее миссии стал ей совершенно ясен.

Однажды Екатерина увидела видение: ее божественный Жених, обнимая, привлекал ее к Себе, но потом взял из ее груди сердце, чтобы дать ей другое сердце, более похожее на Его собственное. Это видение буквально повторяло слово из Писания: "Сердце новое дам вам".

В другой раз прошел слух, что Екатерина умерла и толпы друзей и учеников столпилась вокруг ее смертного одра. Она сама говорила впоследствии, что ее сердце было растерзано силой божественной любви и что она прошла через смерть, "узрев райские врата".

Но потом ей пришлось проснуться на земле, сетуя:

"О, как я несчастна!... Вернись, дитя Мое, - сказал мне Господь, - тебе нужно вернуться, чтобы спасти души многих: отныне и впредь ты будешь жить не в келье, но тебе нужно будет покинуть даже город твой... Я приведу тебя к князьям и властителям Церкви и христианского народа...".

Так она узнала, что Бог облек ее миссией поддерживать и как бы воплощать Церковь того времени, которая так нуждалась в сильной любви, решимости и реформе.

И смиренная неученая девушка начала рассылать по всему свету свои послания, длинные письма, которые она диктовала с поразительной быстротой, часто по три или по четыре одновременно и по разным поводам, не сбиваясь и опережая секретарей. Все эти письма завершаются знаменитой страстной формулой: "Иисус сладчайший, Иисус Любовь" и часто начинаются словами, напоминающими слова авторов библейских книг:

"Я, Екатерина, служанка и раба рабов Иисуса, пишу вам в драгоценнейшей Крови Его...

". На миниатюрах старинных рукописей иногда можно видеть, как те, кому были отправлены письма, принимают их, преклонив колена и сложив руки.

Франческо Де Санктис назвал дошедшее до нас собрание из 381 письма "кодексом христианской любви".

В письмах Екатерины бросается в глаза прежде всего частое и настойчивое повторение слов: "я хочу". Уже в первом своем письме папскому легату в Италии Екатерина пишет очень решительно:

"Так вот, я хочу, отец мой, легат владыки нашего Папы, чтобы вы исполняли то, что должны, усердно, а не с небрежением..." (П. 1).

Некоторые говорят, что решительные слова "я хочу" она в состоянии экстаза обращала даже ко Христу.

Когда началась самая важная ее переписка, переписка с Папой Григорием XI с целью убедить его вернуться в Рим, она использовала слова, исполненные нежности, но и не меньшей решимости:

"Я хочу, чтобы вы были таким добрым пастырем, что если бы у вас было сто тысяч жизней, вы были бы готовы отдать их все во славу Божью и ради спасения творений... Мужественно и как человек мужественный следуя за Христом, наместником Которого вы являетесь... Итак, смелее, отче, и отныне долой небрежение!" (77. 185).

"Говорю вам от имени Христа..., что в сад святой Церкви вы приносите зловонные цветы, полные нечистоты и алчности и раздутые гордыней, то есть злых пастырей и властителей, которые отравляют и растлевают этот сад... Я говорю вам, отче в Иисусе Христе, чтобы вы быстро пришли, как кроткий агнец. Ответьте на зов Святого Духа, к вам обращенный. Я говорю вам..., приходите, приходите и не ждите времени, потому что время не ждет вас" (П. 206).

Как бы воплощая Церковь - Невесту и Мать, Екатерина настойчиво просит Первосвященника быть для нее "бесстрашным мужем". Когда она прибегает к слишком сильному выражению, то извиняется, но не отступает:

"Увы, увы, дражайший батюшка мой, простите то, что я в дерзости своей сказала вам и говорю: драгоценная изначальная Истина заставляет меня говорить это... Если бы я была на вашем месте, я бы боялась, как бы Божественный гнев не обрушился на меня..." (П. 255).

В том же тоне и стиле пишет она князьям и правителям.

Правителю Милана Бернабо Висконти, готовящему бунт против Папы, она пишет длинное темпераментное письмо, ука его удерживать прежде всего "владычество над городом в душе своей": она говорит ему о любви Божьей, о крови Иисуса и о Папе, которому она доверена ("Даже если бы он был дьяволом во плоти, я не должна возносить главу против него..."), угрожает ему вечной гибелью и в заключение пишет:

"Любите Христа Распятого и бойтесь Его; укройтесь в ранах Христа Распятого; будьте готовы умереть за Христа Распятого" (П. 28).

Неаполитанской королеве, ставшей на сторону анти-папы, она пишет: "Увы, вас можно оплакивать, как мертвую, мертвую душой и телом, если вы не откажетесь от столь великого заблуждения" (П. 317).

А к королю Франции обращается со словами: "Творите волю Божью и мою".

Миссией Екатерины стало примирение свободных городов с Церковью - непременным условием чего было возвращение Первосвященника в Рим, - однако она знала, что борьбу за это ей придется вести самой.

Молясь за Папу, который не мог решиться приехать в Рим, она говорила Небесному Отцу:

"Вечный Боже, благоволи... чтобы наместник Твой не следовал советам плоти и... чтобы он не страшился никаких препятствий. Если его нерешимость, о вечная Любовь, негодна Тебе, накажи за нее мое тело, которое я приношу и предаю тебе в жертву" (Молитва III).

Она знала, что страдания и судьбы Церкви таинственным образом имели отношение и к ней: однажды ей было видение Христа, Который "возлагал на плечи ей крест, а в руку влагал оливковую ветвь, говоря ей, чтобы она несла их людям...".

Наконец-то она смогла сама отправиться в Авиньон и сразу же столкнулась там с презрением кардиналов: "Как ты, презренная женщина (*cum sis vilis femella*), смеешь говорить о подобных вещах с владыкой нашим Папой?".

Но кардиналы не знали, что имеют дело с девушкой, которая могла любить и чистосердечно чтить их в силу присущего им достоинства священства, но в то же время могла не колеблясь назвать их "слугами дьявола", когда они препятствовали исполнению воли Божьей и ее миссии.

И Папа слушал Екатерину: чтобы остановить его, ему доставили подложное письмо от имени святого человека, который тогда был довольно широко известен, - блаженного Петра Арагонского, отказавшегося от королевства, чтобы стать францисканским монахом. В этом письме Первосвященника предупреждали, чтобы он не возвращался в Италию, если не хочет, чтобы его отравили: в лавках, мимо которых Папа должен был ехать по пути в Италию, яд будто бы уже готов!

Екатерина дает уничижительный ответ, где горячность смешана с иронией:

"Не думаю, что хорошо знает дело тот, кто это письмо написал. Ему бы следовало отправиться в школу, и мне кажется, что он знает меньше, чем ребенок", ведь и

ребенок знает, что "в лавках Авиньона и других городов так же можно найти яд, как и в римских... и без всяких ограничений, по желанию покупателя".

Заканчивала она письмо такими словами:

"Я заключаю, что посланное вам письмо принадлежит не тому рабу Божьему, но полагаю, что оно написано кем-то из находящихся поблизости, слугами дьявола, не боящимися Бога".

По этому поводу Екатерина даже говорит Папе, впрочем, уважительно и нежно, чтобы он не вел себя как ребенок:

"И я прошу вас от имени Христа Распятого быть не боязливым ребенком, но мужем" (П. 239).

Екатерина опровергала возражения почти всех кардиналов (21 из 26 были французами), которые наперебой советовали Папе не возвращаться в Италию, единственным доводом:

"Мне кажется, что решения добрых людей должны быть продиктованы только стремлением прославить Бога, спасти души и реформировать Святую Церковь, а не их себялюбием..., ибо они стремятся к тому, что любят" (П. 231).

Наконец, в сентябре 1376 года Григорий XI, последний Папа-француз, решился на великий шаг и отправился в Рим. Однако несмотря на то, что художники и скульпторы изображали Екатерину идущей перед процессией во главе с Папой и ведущей его лошадь под уздцы, святая не сопровождала его в Рим, но удалилась в Сиену.

Из своего уединенного прибежища она постоянно устремлялась туда, где были необходимы мир и благодать Божья. Известны истории о том, как она посещала людей, открыто грешивших: встречи с ней были нежеланными, но действенными, или закоренелых злодеев, или приговоренных к смерти, отчаявшихся. Всем известна хрестоматийная история Николо ди Тульдо, приговоренного к смерти, которому Екатерина помогла умереть, как ребенку помогают родиться.

Николо был знатным человеком из Перуджи. Его приговорили к смертной казни "за неосторожные слова о государстве". Не без оснований он плохо отзывался о тех людях, которые заставляли называть себя "великолепными господами и отцами, защитниками народа города Сиены". К тому же было совсем нетрудно обвинить этого "чужака" в шпионаже.

Один из очевидцев-современников пишет: "Он ходил по темнице, как человек отчаявшийся, не желая исповедоваться или выслушать ни от монаха, ни от священника ничего о своем спасении. Наконец послали за этой девушкой. Исполненная милосердной любви, она пришла к нему в темницу".

О том, что произошло, рассказывает сама Екатерина на странице, где, по словам Томмазо, "грозная мощь Микеланджело сочетается с нежностью Фра Беато Анжелико".

"Я пошла навестить того, о ком вы знаете, и он получил такое утешение и ободрение, что исповедовался... Я отвела его на богослужение, и он принял Святое Причастие,

которого уже давно не принимал... и я сказала: "утешься, милый брат мой, потому что скоро мы будем на брачном пиру. Ты отправишься туда, омытый драгоценной кровью Сына Божьего, со сладким именем Иисуса - я хочу, чтобы ты всегда помнил о Нем. А я жду тебя на лобном месте...".

И, действительно, она ожидала его у места казни на заре того страшного дня.

"Итак, я ждала его на лобном месте и, ожидая, непрестанно молилась... Потом он пришел, как кроткий агнец, и, увидев меня, начал смеяться и пожелал, чтобы я перекрестила его. Перекрестив его, я ему сказала: "Ложись! на свадьбу, милый брат мой! ибо скоро ты перейдешь в жизнь вечную".

Но он сделал движение, исполненное нежности, которое привлекло бы тысячи сердец. И я не удивляюсь тому, ибо он уже вкушал Божественную сладость. Он обернулся, как оборачивается невеста, когда она дошла до порога жениха своего, оборотив взгляд и голову назад, кланяясь тому, кто ее привел, и с поклоном знаками изъявляя свою благодарность... Он лег с величайшей кротостью, а я расправила ему шею и склонилась над ним и напомнила ему о Крови Агнца. Его уста лишь повторяли: "Иисус и Екатерина".

И с этими словами я приняла голову в свои руки, устремив взор к Божественной благодати и говоря: "Я хочу!".

Тогда можно было видеть Бога и Человека, как виден солнечный свет. Когда тело сложили, душа упокоилась в мире и тишине, и запах крови был так силен, что я не могла не омыть его крови, пролившейся на меня. Увы, жалкая я, несчастная! не хочу говорить ничего больше. Я осталась на земле, так сильно завидуя...".

Тем временем в течение немногих лет, прошедших между долгожданным возвращением Папы в Рим и великой схизмой, после которой Екатерина вновь стала бороться за Церковь, в очень короткий срок Екатерина сочинила произведение, которое было, впрочем, подготовлено всей ее жизнью, - произведение, сделавшее ее Учителем Церкви. Святая дала ему простое, но универсальное название: "Книга".

Ее биограф говорит:

"Святая раба Божья сделала чудесное дело, то есть написала Книгу величиной с миссал, и написала она ее в состоянии экстаза, утратив все чувства, кроме способности говорить. Бог Отец говорил, а она отвечала и сама повторяла слово Бога Отца, сказанное ей, и то, что сама она говорила или спрашивала у Него... Она говорила, а кто-нибудь другой писал: когда мессер Бальдуччо, когда сказанный донно Стефано, когда Нери ди Ландуччо. Когда слышишь про это, это кажется невероятным, но тем, кто все это записывал и слышал, так не кажется, и я один из них".

Книга состоит из 167 глав, сгруппированных вокруг четырех просьб, обращенных Екатериной к Небесному Отцу "со страстным желанием".

Первая просьба - "милосердие для Екатерины": и Бог отвечает, помогая ей "познать себя и Его", то есть погружая ее в свет, ослепляющий человека, наконец осознающего свое ничтожество перед "всеми" - Богом, однако с бесконечным изумлением открывающего, что Бог извечно влюблен в это ничтожество.

Вторая просьба - "милосердие для мира"; третья - "милосердие для Святой Церкви". Екатерина молила, чтобы Отец "изгнал мрак и гонения" и дозволил ей нести груз любой несправедливости.

Четвертая просьба - "Провидение для всех".

На каждую просьбу Бог Отец подробно отвечает, и в Его ответах разворачивается все христианское учение в различных его богословских, нравственных и аскетических аспектах.

И прежде всего Бог Отец говорит, что милосердие уже было даровано нам, когда

"желая излечить столь многочисленные недуги, Я дал вам Мост в лице Сына Моего, чтобы, переходя через реку, вы не утонули, каковая река есть бурное море этой сумрачной жизни".

Образ "Моста" перекликается со словами Иисуса, назвавшего Себя "путем"; именно Он позволяет нам "пройти через горечь мира".

Вот как один из комментаторов описывает это ниспосланное Екатерине видение Христа, распростертого между небом и землей:

"Мост - это Сам Иисус, пребывающий неподвижным, распростертый на кресте, со скованными суставами ног, растерзанных гвоздями, с ребрами, прободенными копьем, и дрожащими устами, испускающими последний вздох".

Таким образом, совершается восхождение от мира к Отцу через благоговейное "прохождение" тела Христова с троекратным поцелуем: в ноги, в "сокровенное сердца", в "уста Любви, распятой за нас"; это троекратный поцелуй францисканской мистики: поцелуй в ноги, в уста и в сердце (*psculum pedum, oris et cordis*).

Так к концу XIV века Екатерина завершила дело, начатое Данте в начале века, доказав, что народный язык также может быть языком богословия и мистики.

Только она закончила описание провиденциальной любви, с которой Отец взирает на мир и на Церковь Свою, как произошла великая схизма.

Одни и те же кардиналы избрали двух пап. Христианский мир раскололся надвое, и в течение сорока лет сомнения о том, кто же законный пастырь, терзали Церковь.

Урбан VI, законный Папа, призвал Екатерину в Рим, и она храбро защищала его против всякого сомнения и колебания, обратившись даже к открытой консистории кардиналов.

"И вот, братья мои, - заключил Урбан VI, - какой укоризны заслуживаем мы пред лицом Божьим: в то время, как мы так робки, эта слабая женщина приводит нас в замешательство. Я называю ее слабой женщиной не презрительно, но потому, что по природе слаб ее пол. Она должна была бы колебаться, когда мы вполне уверены, но она уверена, когда мы колеблемся, и ободряет нас своими святыми доводами. Это ее слава и наше посрамление".

Биографы утверждают, что можно было бы почти месяц за месяцем проследить

деятельность, которую развила Екатерина в защиту Папы: письма и послания почти всем царствующим особам Европы, советы Первосвященнику по полному обновлению состава курий, и прежде всего попытка сплотить вокруг Папы тех, кого она называла "сообществом добрых" (П. 305).

Наконец, в булле от 13 декабря 1378 года Урбан VI решился просить о духовной помощи всех верных, и сама Екатерина разослала буллу со своим сопроводительным письмом всем лицам, обладавшим духовным авторитетом, которых она знала, прося их выступить открыто единым фронтом в защиту Урбана VI. И она без всяких церемоний обращалась к этим святым людям, которые отступали в сторону под предлогом того, что должны посвятить себя созерцанию.

В то же время она со здравым реализмом отдавала себе отчет в том, что порывистый и неистовый характер Папы Урбана не способствовал примирению. Людовико Альберто Муратори писал о нем, что "он был бы из людей своего времени наиболее достоин стать Папой..., если бы он не был Папой".

Екатерина писала ему: "Простите меня, ибо любовь побуждает меня сказать то, чего, может быть, не нужно говорить. Ибо я считаю, что вы должны знать обычаи ваших детей-римлян, которых легче привлечь и привязать нежностью, чем насилием или суровыми словами..." (П. 370).

И в день Рождества она с тонким намеком подарила Первосвященнику пять апельсинов, наполненных вареньем и изготовленных по старинному сиенскому рецепту: воспользовавшись случаем, она объяснила Папе, что фрукт по природе горький может наполниться сладостью, чтобы его вкус соответствовал его золотистой коже:

"Апельсин сам по себе кажется горьким и терпким, но если извлечь из него то, что внутри, и замочить его, то вода отобьет горечь; потом его наполняют вещами приятными, а снаружи покрывают золотом... Так вот, со сладостью, святейший Отец, мы принесем плод без неприятной горечи" (П. 346).

Историки говорят, что Екатерина фактически "заставила мир признать Папу Урбана VI". Тем временем, хотя ей еще не было и тридцати трех лет, ее организм был уже подорван тяготами и переживаниями.

Она знала, что должна принести в жертву прежде всего самое себя.

Она молилась:

"Боже вечный, прими в жертву мою жизнь в сем мистическом Теле - Святой Церкви. Мне нечего дать, кроме того, что Ты дал мне. Возьми же мое сердце и выжми его над лицом Своей Невесты" (П. 371).

Во время Великого поста 1380 года, хотя Екатерина почти уже не могла передвигаться, она дала обет каждый день ходить в собор Святого Петра. Она писала своему исповеднику:

"Какую скудость мы видим в Святой Церкви, ибо видим, что во всем она осталась одна".

Поэтому каждое утро она отправлялась к своему Жениху, тоже брошенному, хотя была так изнурена, что ее поддерживали по дороге. Она говорила:

"Так и иначе, о чем я не могу рассказать, кончается жизнь моя и истекает по каплям в сей сладчайшей Невесте, и я иду этим путем, а прославленные мученики проливали кровь".

Она знала, что переживает настоящее мученичество.

И ее последнее ежедневное паломничество, требовавшее всех ее сил, стало символическим: каждое утро, доходя до собора, представляющего собой сердце христианского мира, она останавливалась перед мозаикой Джотто, которая тогда находилась в центре фронтона портика, изображающей евангельский эпизод с лодкой, на которую обрушиваются волны бурного моря, - символом Церкви. Кажется, лодка тонет, но ничто не может ее потопить.

Этот образ очень нравился Екатерине: она часто писала в своих письмах: "Возьмите лодку Святой Церкви" (П. 357).

Она описывает с потрясающей достоверностью последние дни своей жизни:

"Когда наступает час третий, я встаю от богослужения и вы могли бы видеть, как мертвая идет в собор св. Петра; и я вновь вхожу работать в лодку Святой Церкви. Там я остаюсь почти до вечерни, и оттуда мне не хотелось бы выходить ни днем, ни ночью, пока я не увижу этот народ крепко утвержденным с Отцом его. Мое тело пребывает без какой-либо еды, даже без капельки воды, и терзаемо такими телесными муками, которых я никогда не испытывала, так что жизнь моя едва теплится в нем.

Не знаю, что Божественная благодать пожелает сделать со мной, но что касается телесного чувства, мне кажется, что сейчас я должна укрепить его новым мученичеством в сладости души моей, то есть в Святой Церкви; потом, быть может. Он воскресит меня вместе с Собой, положив конец моему недостоинству и распятым желанием... Я молилась и молю Его милосердие, чтобы Он сотворил волю Свою во мне..." (П. 373).

Так Екатерина провела свой последний Великий пост: страдая вместе с Церковью, которую она называла "сладостью души своей", и вместе с ней ожидая дара Воскресения.

Ей не удалось до конца исполнить свой обет: в третье воскресенье поста, когда она молилась перед мозаикой, силы оставили ее; по ее словам, ей показалось, что вся тяжесть этой лодки и грехов, которые она везла, обрушилась на ее хрупкие плечи. Ее отнесли в ее маленькую келью на улице Папы (иногда даже мелочи умиляют), и там она оставалась прикованной к постели в течение около восьми недель долгой агонии.

В воскресенье перед Вознесением всем показалось, что Екатерина находится в состоянии невыразимого борения.

Присутствовавшие слышали, как она долго повторяла: "Боже, смилуйся надо мной, не отнимай у меня память о Тебе!", а потом: "Господи, приди мне на помощь, Господи, спеши помочь мне!". И, наконец, как будто отвечая обвинителю, она сказала: "Тщеславие? Нет, но лишь истинная слава во Христе".

